

С. И. КОТКОВ

Из старых южновеликорусских параллелей к лексике «Слова о полку Игореве»

Наблюдения над лексикой коренных южновеликорусских говоров вскрывают некоторые интересные факты, в которых можно видеть более или менее ясные параллели к лексическим элементам «Слова о полку Игореве». Речь идет о древнерусском лексическом наследии в южновеликорусских говорах, а не о прямых, непосредственных связях фактов южновеликорусской стихии с теми или иными элементами «Слова». Первые результаты изысканий, проведенных в этом направлении в пределах курско-орловских говоров, изложены нами в специальной статье.¹ С незначительными дополнениями, извлеченными из памятников XVII в. южновеликорусского происхождения и произведений А. И. Левитова, статья опубликована в брошюре, изданной к IV международному съезду славистов.² Придавая особое значение свидетельствам древних текстов, приуроченных к той области, с которой особенно тесно связаны события героической поэмы, мы обратились к памятникам XVI—XVII вв., относящимся к Рыльску и Путивлю. Изучение писцовых книг Рыльска и Путивля показало, что и в них заключаются параллели, имеющие несомненный научный интерес. В настоящей работе мы представляем материалы, заимствованные из рукописных источников, хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов и в Курском областном архиве. Нам кажется, что эти материалы могут быть приняты во внимание при освещении некоторых темных мест в «Слове о полку Игореве», а также характеристике его лексического состава.

1. У Плъсьньска на болони

В «Объяснении некоторых топографических терминов», предпосланном списку населенных мест Черниговской губернии, сообщалось: «Оболоньем — называются вообще луга при реке. В северных же уездах — часть луга при речке, находящаяся в селении или около него, служащая собственно для выгона домашнего скота».³ Определение оболонья как места, отведенного для выгона скота, надо думать, вторичное; значение более раннее — «луга при реке». О том, что это значение далеко уходит

¹ С. И. Котков. Из курско-орловских параллелей к лексике «Слова о полку Игореве». — Ученые записки Орловского государственного педагогического института, т. IX, Кафедра русского языка, вып. IV. Орел, 1954.

² С. И. Котков. Слово о полку Игореве. (Заметки к тексту). М., 1958.

³ Списки населенных мест Российской империи, XLVIII. Черниговская губерния. СПб., 1866, стр. LIX.

в прошлое, судим по данным памятников XVI—XVII вв., имеющих отношение к Новгород-Северской земле.

Перед нами — поздний список жалованной грамоты Ивана Грозного, данной в 1551 г. Новгород-Северскому монастырю на вотчины в Путивльском и Новгород-Северском уездах. Обращаем внимание на следующие места: «... да на Вети речке на малои оболонье по обе стороны ... сенные покосы по оболоньям ... по речке по Ивоте вверх рыбные ловли и перевесья да два еза по оболонья по речку по Селичку и по оболонью Ивоцкому».⁴

Интересный материал содержит выпись из Рыльской писцовой книги 1628 г. Выпись была дана в 1695 г.

«... владеть города Рылска градским жителем ... Семским лесом и лугом и полянки и оболоньи с лозами под городом Рыльском вверх по реке по Семи по обе стороны от устья реки Рылы да по другую сторону белгородской дороги от городского бору по дачю села Березников и по речку Избицу ... города Рылска градским жителем владеть за рекою Семью против города Рылска градским бором и дубровою и Семьским лугом и лесом и оболоньем по писцовым книгам Петра Мусорского 136-г[о] и 137-г[о] году а Семским же лесом и лугом и полянки и оболони и лозами по обе стороны реки Семи ... животинным выпуском около города Рылска подле земляного валу и оболоньем что подле Чортова кургана и леском Колодежным и прогонною землею по обе стороны речак Дублянак ... межа градскому лесу и бору и дубровкам и оболонем от озера Уюнища от нижнего конца до ильма маладого».⁵

В мировой записи, составленной в Карачеве в 1650 г.: «... подал государеву судимую грамоту во владенье монастырьские вотчины реки Ресеты да селища Арханильскаго и лугов и оболонев».⁶

Заключенные в старых актах сведения в известной мере разъясняют значение слова «оболонье», или, с утратой начального гласного, «болонье». Варианты его перевода многочисленны: равнина, плоскость, низменное место, болото, луг, поемный луг, лес, лесное место, дельта, подгорье, выгон, всполье, околица, предградье, окраина города, ближайшая окрестность города, пространство между валами, свободное пространство перед городскими стенами и др.⁷ Считаюсь с различием его значений по древнерусским областям, что вполне вероятно, мы все же имеем основания, уясняя его значение в «Слове», привлекать прежде всего данные из области Новгород-Северской. В актах «оболонью» противопоставлены названия других элементов ландшафта, и поэтому можно судить, что «оболонье» — это не просто луг, не выгон и не лес, а также не болото, поскольку далее в Рыльской книге (место не приводим) упоминаются и болота.

Помимо того, что содержание актов не позволяет усматривать в «оболонье» болото или выгон, луг вообще или лес, они дают указания на его территориальную близость к реке. В этой связи укажем, что в более позднем источнике, имеющем отношение к той же области, говорится о селении

⁴ ЦГАДА, ф. 124, № 1, лл. 1—3.

⁵ Курский областной архив, Коллекция документов Курского краеведческого музея, № 15. Выпись неудовлетворительно воспроизведена в статье С. Н. Ефременко «Топография Рыльского уезда 17 века» [Известия Курского губернского общества краеведения, № 6. Кюск, 1928 (1927), стр. 63—67].

⁶ ЦГАДА, ф. Грамоты Коллегии экономики, № 3/5941, л. 1.

⁷ См., например: Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. III. М., 1890, стр. 33—35; А. С. Орлов. Слово о полку Игореве, изд. 2. М.—Л., 1946, стр. 117; Д. С. Лихачев. Комментарий исторический и географический. — В кн.: Слово о полку Игореве. Изд. АН СССР. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 427.

Оболонье, при котором протекает река Десна.⁸ Опубликовавший рыльскую выпись С. Н. Ефременко пишет между прочим: «Чертов курган, который был при впадении реки Рылы в Сейм... давно уже разрушен (смыт) водою — весенними разливами, когда он почти весь покрывался водою. В настоящее время северо-восточная окраина города называется в народе просто „курган“».⁹ Имеем основание полагать, что «оболонье» в наших источниках служит скорее всего названием заливного, поемного луга или подгорья.

Н. В. Шарлемань, сообщая о «болонье» под Киевом, говорит, что позже это место называлось «оболоньем».¹⁰ Напротив, первоначальный вид слова — «оболонье» и затем, с отпадением *о*, — «болонье»: утрата начального гласного *о* в древнерусском была нередкой, а прибавление *о* в данном случае едва ли вероятно. И если в «Слове» находим вариант без *о* начального, то это легко объясняется ассимилятивным «поглощением» начального гласного *о* гласным *а* предлога: на оболони → на болони. Преимущественное употребление в древнерусском языке рассматриваемого слова как раз с предлогом «на» видно из коллекции примеров у И. И. Срезневского.¹¹ Вариант без *о* начального заключает, например, жалованная грамота 1621 г.: «по озерку ... рыбная ловля болонья по обе стороны с урочищи»;¹² «озерко Хотиш с ровцами с верхним и с нижним и с болоньем».¹³ В писцовой книге 1653 г., приуроченной к Путивлю, говорится о сенных покосах возле озера Сапрыкина на Колчьем болонье.¹⁴

Н. В. Шарлемань предполагает, что Плесенск (в «Слове» Пльсьнська, — С. К.) был в окрестностях Киева, «там, где в середине XIX в. была „Плоская часть“». Народ называл эти урочища Плоское или Плеске, очевидно потому, что здесь холмы носили характер плоскогогорья: на вершинах их были большие ровные пространства. Кроме того, к холмам примыкала обширная плоская пойма Днепра.¹⁵ Хотя в «Слове о полку Игореве» и отмечена мена *е* и *ѣ*, в нем все же, как справедливо указывает С. П. Обнорский, нет материала для предположения о звуковом совпадении *е* и *ѣ*, мена их объясняется особыми причинами; в то же время, устанавливает С. П. Обнорский, памятник содержит данные о звуковой близости *ѣ* и *и*.¹⁶ В свете этих фактов соответствие *ѣ* в составе «Пльсьнська» гласному *о* в «Плоском», если бы даже *о* и восходило к гласному *е*, не поддается объяснению. Да и «Пльсьнеск» от «Плеске» и «Плеске» как результат фонетической эволюции слова «Пльсьнеск» не имеют оправдания в звуковых законах, действовавших в истории русского языка. Вместе с тем полагаем излишним указать на один из гидронимов в Путивльской писцовой книге 1594 г., который был отмечен в краю распространения названий «болонье», «оболонье»: «Михаилко Иванов сын Барсуков поместья за ним

⁸ См.: Архим. Мельхиседек. Краткое историческое описание Рыльховской пустыни. М., 1844, стр. 12. Ср.: Списки населенных мест Российской империи, XLVIII. Черниговская губерния, стр. 90.

⁹ С. Н. Ефременко. Топография Рыльского уезда 17 века, стр. 67.

¹⁰ Н. В. Шарлемань. «Дебрь кисаню» — «дебрь князь». — Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей. М.—Л., 1950, стр. 211.

¹¹ И. И. Срезневский, Материалы, т. I, стр. 145—146.

¹² См.: И. Левитский. Город Путивль. — Труды XII археологического съезда, т. III. М., 1905, стр. 136.

¹³ Там же, стр. 139.

¹⁴ См.: Материалы для истории церквей Курской, Харьковской, Орловской, Черниговской и Воронежской губерний, городов и станиц Донской области. М., 1913, стр. 42.

¹⁵ Н. В. Шарлемань. «Дебрь кисаню» — «дебрь князь», стр. 211.

¹⁶ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, стр. 144.

старого по государеве по ввозной грамоте ухожеи бортной в Городецкой волости на речке на Плесне».¹⁷ Между прочим, подобный гидроним обнаруживаем и в белевских книгах 1614 г.: «два жеребья сельца Олтухова, на р. на Плесне . . . сена по р. по Плесне от Афонасьева рубежа Бунина большой луг, и от большого лугу вниз по Плесне по Семенов рубеж . . . да лесу пашенного по обе стороны р. Плесны по кое место плесненские отвершки».¹⁸ Названия старых городов, образованные от названий рек посредством суффикса *-ск*, как известно, довольно обычны. На южной территории известны: Курск (река Кур), Мценск (река Мецна), Рыльск (река Рыла), Севск (река Севь). Образование «Плесньск» от «Плесны» было бы естественно.

2. бѣша дѣбрь Кисаню

К словам «У Пльсьнска на болони» примыкает выражение «бѣша дѣбрь Кисаню». «Есть основание думать, — замечает Н. В. Шарлемань, — что „дѣбрь Кисаня“ — это „дѣбрь Киянь“, лес в овраге, прорытом речкой, а впоследствии ручьем Киянью (потом Киянкой)».¹⁹ Развивая предположение о существовании близ Киева речки или ручья Кияни, Н. В. Шарлемань далее пишет: «Что так, а не иначе называлась эта речка, меня убеждают созвучия иных названий наших мест: Болонь, Ирпень, Иордань, Карань. — Корень „киян“ вошел во многие местные фамилии».²⁰ Если принять, как верное, чтение «дѣбрь киянь», то следует заметить, что не только у Киева, но и в Новгород-Северской земле обнаружим соответственные лексические ассоциации. Так, в Черниговском уезде отмечалось селение *Киенка* (Киенки, Кианка).²¹ Созвучные образования встречаются в предложениях: «а тем знаменем ходит по Ивановскому ухожю *Киева* . . . а ходит тем знаменем по всеи Косоожской волости по Василеву ухожю Кудинцова, а за полем по Ивановскому ухожю *Киева*».²² Приводимые здесь факты, возможно, и не доказывают нахождения дѣбри в Новгород-Северской земле, но в то же время они колеблют обязательность отнесения этой дѣбри непременно к зоне Киева.

3. Рѣка Стугна худу струю имѣя, пожрѣши чужи ручьи и стругы ростре на кусту

В этом порицании Игоря Стугне наряду с другими элементами высказывания неодинаково толкуют и слово «стругы». В связи с уяснением его значения мы указывали подобное название в поступной записи Тимофея и Андрея Титовых, данной Молченскому монастырю в 1678 г., и тогда же отмечали единичные упоминания о «стругах» с аналогичной семантикой в текстах XVI в. иной территориальной принадлежности; выдвигаемое некоторыми комментаторами «Слова» значение «струи» решительно отвергалось, принималось значение «потоки».²³

¹⁷ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, кн. 367, л. 43 об.

¹⁸ Белевская вивлиофика, издаваемая Николаем Елагиним, т. II. М., 1858, Приложение, стр. 3.

¹⁹ Н. В. Шарлемань. «Дѣбрь кисаню» — «дѣбрь киянь», стр. 209.

²⁰ Там же, стр. 210.

²¹ См.: Списки населенных мест Российской империи, XLVIII. Черниговская губерния, стр. 11.

²² ЦГАДА, ф. Поместный приказ, кн. 148, л. 405 об.

²³ См.: С. И. Котков. Слово о полку Игореве. (Заметки к тексту), стр. 34—36.

Дальнейшее исследование путивльских памятников в отношении употребления слова «струга» показывает следующее: в интересующей нас географической области его употребление настолько обычно, что невольно привлекает особое внимание. Уже само по себе указанное обстоятельство, в противоположность единичным упоминаниям о «стругах» в иных древнерусских текстах, говорит о многом. Обратимся, например, к Путивльской писцовой книге 1625/26 г.²⁴ В ней есть такие записи: «от реки от Семи . . . по Пятницкую стругу» (л. 240 об.); «от Козих хрептов по Кобылкину стругу» (л. 249 об.); «около сухой ветки в Барановой струге» (л. 255 об.); «выша озера Колчева по стругу» (л. 261); «да в том же ужою рыбная ловля озера Вскуносов, озера Шеица струги и с протоки и с вешними полои, да струга Вяски, да струга Децкое, озерко Пездрин, озерко Выдрыики, озерко Коровичи, озерко Хващен, озерко Плюски, озерко Озерды, озерко Колчая струги и с протоки и с вешним полем» (л. 261 об.—262). В путивльской выписи 1629 г. указаны «струга Меженская, да струшка Золотарева, да струшка Уломля, да исток Киселева болонии».²⁵ Примеры можно умножить.

В грамоте конца XVI в., касающейся угодий Молченского монастыря, встречается строки, раскрывающие значение слова «струга»: «да Молченского ж монастыря у города два озера: озеро Линчье, озеро Кобылка, да струга Пружинка, течет из озера Хотыша в реку Семь».²⁶ Проток, соединяющий озера, предполагаем в слове «струга» в следующем случае: «да в Печерской волости ужожеи бортной, а знамя в нем куцер с нижним рубежом, да в том же знамени рыбная ловля речка Плюсква, да струга Орля, а в ней три озера».²⁷ Запись относится к Путивльскому уезду, датирована 1621 г. О забвении старой семантики слова узнаем из путивльской записи 1734 г.: «за разливом вод речек Каменки и речки Струги за потребами священником ходить бывает невозможно»²⁸ (ср. упоминание о ручье Окопная струга в Черниговском уезде).²⁹

Случаи употребления слова «струга» в XVI—XVIII вв. содержат новгородские и псковские источники.³⁰

В порицании Игоря Стугне говорится о ручьях и стругах. В древних путивльских текстах, в соответствии с этим различием, кроме названия «струга», употребляется и «ручей». Примеры: «от рыльские дороги да по Близводинской ручей» (л. 151); «а межа той пашни от ручья» (л. 246); «ручьи» отмечаются и на лл. 74 об., 144, 234, 236, 275.³¹ Заметим, что названия «ручей» и «струга» мелькают не только в разных текстах, но и в одном и том же. В Путивльской писцовой книге 1625—1626 гг.: «от Затинной слооды по ручей по мостьки и по копоной ров» (л. 249); «по Кобылкину стругу» (л. 249 об.).³²

²⁴ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, кн. 148.

²⁵ ЦГАДА, ф. Грамоты Коллегии экономии, № 7/9587, л. 18.

²⁶ Игумен Паладий. Историко-статистическое описание Молчанской рождество-богородицкой печерской мужской общежительной Софрониевой пустыни. М., 1895, стр. 15.

²⁷ ЦГАДА, ф. Грамоты Коллегии экономии, № 3/9583, л. 4.

²⁸ Материалы для истории церквей Курской, Харьковской, Орловской, Черниговской и Воронежской губерний, городов и станций Донской области, стр. 82.

²⁹ См.: Списки населенных мест Российской империи, XLVIII. Черниговская губерния, стр. 15.

³⁰ См.: Писцовая книга по Пскову и его пригородам XVI в. — Сборник Московского архива Министерства юстиции, т. V. М., 1913, стр. 97, 263; Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. М., 1951, стр. 228.

³¹ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, кн. 367.

³² Там же, кн. 148.

4. Трубы трубятъ городеньскии

«Изяслав, сын Васильков, — замечал Е. В. Барсов, — уделом своим в Полоцком княжестве имел Городно или Городень, а поэтому при смерти его трубили городенские трубы».³³ «Городно» искали в Пинском уезде, указывались селения и в других местах с названиями «Городинки», «Городзилов», «Городечно», «Городково» и т. п.³⁴ Д. С. Лихачев комментирует: «Летопись упоминает полоцких князей Брячислава Васильковича и их отца Василька Рогволодовича. Всеволод и Изяслав летописью не упомянуты: эта ветвь княжеского рода вообще известна плохо».³⁵ Выражение «трубы трубятъ городеньскии» Д. С. Лихачев с основанием сопровождает осторожным примечанием: «Изяслав Василькович ... был, по-видимому, князем городенским (от Городно или Гродно — не ясно)».³⁶

В связи с комментированием слова «городенский», может быть, небезполезно привести соответствующие параллели из Рыльской писцовой книги 1625/26 гг.: «в Г о р а д е н с к о и волости ухожеи бортной, а знамя в том ухожи вески» (л. 393); «в Г о р а д е н с к о и волости в дву гнездах в верхнем да в среднем знамя ребрища з двумя тны» (л. 405 об.); «дано к Николе ж чудотворцу Задублянсково попу Тимофею ухожеи бортной новое черленое знамячко в Рыльском уезде в Городенской волости» (л. 407 об.); «бортной ухожеи в Г о р а д е н с к о и волости за речкою за Рылою» (л. 407 об.).³⁷ Название «городенский» образовано от «Городенск». Об этом узнаем из документа, датированного 1646 г.: «бой был в Курском уезде на реке на Реуте, а другой, государь, бой был в Рыльском уезде в селе в Городенку (sic!) ... а из Городенска, государь, мы, холопи твои, шли за теми воинскими татараы степью до Карпова сторожовья».³⁸ Добавим, что в росписи сторож, составленной в XVI столетии, на Сейме отмечается «городище» Городенское, в общем расположенное также в Рыльской округе.³⁹ Самое название «городище» из XVI столетия уводит в более глубокую древность.

5. Уже бо бѣды его пасеть птицъ подобию

Многие комментаторы «Слова» предлагают вместо «подобию» читать «по дубию», исходя из вероятного пропуска *y* в сочетании букв *ou*, которым в древнерусской письменности передавали гласный *y*. При этом, естественно, усматривают в «дубие», «дубье» образование собирательное. Пример употребления слова «дубье» заключает одна пугивльская запись 1682 г., однако «дубье» в ней можно толковать и в плане собирательном и несобирательном — в качестве синонима названия «дуб». Вот эта запись: «а от леска Хартукова вверх речкою Ведьбою до большого бортного дуба Ивана Меньшого Трифанова, что подле речки Ведьбы, на том дубу грань, да от речки Ведьбы, а от того большого бортного дубу прямо полем, межюу, чрез болотоу, по дуб с громобоиноу, на нем две

³³ Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. III, стр. 163.

³⁴ Там же.

³⁵ Д. С. Лихачев. Комментарий исторический и географический, стр. 449.

³⁶ Там же, стр. 450.

³⁷ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, кн. 148.

³⁸ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах, т. I. М., 1954, стр. 436—437.

³⁹ См.: Списки населенных мест Российской империи, XX. Курская губерния. СПб., 1868, стр. XIII.

границы, на правой стороне земля и санные покосы пустынного Печерского Молчинского монастыря строителя Софрония с братьею, а по левую сторону Максима Трифанова с детьми и с племянники, а от того дубу межкою прямо по дубовой чаще, что с бортым дубьем Ивана Меньшова Трифанова по конец средняго лесу».⁴⁰

б. иже истягну умъ крѣпостию своею

Понимание выражения зависит в основном от выяснения смысла глагола «истягну». Не предлагая определенного чтения этого места, мы, однако, обращаем внимание исследователей на отмеченные в Рыльской писцовой книге 1625/26 гг. и курско-орловских говорах некоторые редкие образования, структурно и семантически не чуждые «истягну». При этом, в согласии с А. С. Орловым, исходим из положения, что после «иже» «не показуется» отделять «и» от «стягну».⁴¹

На рубеже XX в. в одном из орловских говоров было зарегистрировано образование и ст ѣ ж н ы й со значением „длинный“ (от глагола «тянуться», «истянуться»)⁴² С конечным ударением это прилагательное встречаем в рассказе И. А. Бунина «Древний человек»: «Заложив одну руку за широкий пояс, которым подпоясана его длинная чесучовая рубаха, а другой пощипывая кончики редких белесых усов, учитель горбит свой и ст ѣ ж н о й стан».

В середине прошлого века среди населения Суджанского и Рыльского уездов бытовала загадка:

Разляглася,
Простяглася;
А как встанет,
То неба достанет. (Дорога).⁴³

Наконец, в писцовой книге из Новгород-Северской области находим такие строки: «а тот Костин клин на усть осинова леску и речки Шельги по Шельжские лески и верх по лужку что из асинова лесу устегнул ся и болшоу Корыжкою и Проходцкою дорогу да на том же Костине клине усадище».⁴⁴ Вероятно, последнее глагольное образование, но с в взамен начального у и пропуском г фрикативного, представлено и в другом месте цитируемого источника: «межа той церковной земли другои Шельжской лес и логом от верха Шельжскова леска через Пневецкою болшоу дарогу что в ст я н у л с я из болшова логу».⁴⁵

7. а) Дивь. . . велить послушати земли не зна ем ъ; б) в полѣ не зна ем ъ; в) на полѣ не зна ем ъ; г) зегзицею не зна ем ъ рано кычеть

П. Я. Черных считает, что эпитет «незнаемый» встречается теперь лишь в северновеликорусском фольклоре.⁴⁶ Однако следы его бытования

⁴⁰ Игумен П а л л а д и й. Историко-статистическое описание Молчанской рождество-богородицкой печерской мужской общежительной Софрониевой пустыни, стр. 137—138.

⁴¹ См.: А. С. Орлов. Слово о полку Игореве, изд. 2, стр. 91.

⁴² См.: А. И. Сахаров. Язык крестьян Ильинской волости, Болховского уезда, Орловской губернии. — СОРЯС, т. LXVIII, 1900, № 5, стр. 18.

⁴³ См.: Материалы для описания Курской губернии, статья XII. Народные игры, загадки, анекдоты и присловья жителей Суджанского и Рыльского уездов. — Курские губернские ведомости, 1853, № 11.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, кн. 148, л. 418.

⁴⁵ Там же, л. 386.

⁴⁶ См.: П. Я. Черных. О выражении «за шеломянем» в «Слове о полку Игореве». — Ученые записки Ярославского государственного педагогического института, вып. 1, Гуманитарные науки, Ярославль, 1944, стр. 59.

ясны и в Курско-Орловской области. В селении Рудка Поньковского района мы слышали исходное образование «знаёмый» в значении «знакомый», «известный» и, значит, «незнаёмый» — «незнакомый», «неизвестный». Говор селения Рудки — типичный южновеликорусский (ср. соответственно в украинском языке «знайо́мий» и «незнайо́мий»).

Прилагательное «незнаёмый» в смысле «неизвестный» находим также в летописях, в церковной литературе и древнерусских актах, притом не только в северновеликорусских, но и в южновеликорусских. Так, в 1622 г. строитель Свинского монастыря (Брянск) извещал, что в монастырской вотчине села Супонино по ночам стали появляться «незнаемые люди», крадущие из крестьянских погребов печеный хлеб.⁴⁷ Брянск — окраина древней Новгород-Северской земли. В южновеликорусских памятниках встречаются обороты с наречием «незнаемо»: «та жонька Акалинка у них незнаемо игде делас» (Старый Оскол, 1697 г.);⁴⁸ «незнаема для какова вымыслу» (Землянск, 1700 г.);⁴⁹ «приезжала незнаемо какая разбойническая партия» (Елец, 1751 г.).⁵⁰ Возможно, не одним «Словом» навеян эпитет «незнаёмый» в стихотворении И. А. Бунина «На распутье»:

На распутье люди начертали
Роковую надпись: «Путь прямой
Много бед готовит, и едва ли
Ты по нем воротиться домой.
Путь направо без коня оставит —
Побредешь один и сир и наг, —
А того, кто влево путь направит,
Встретит смерть в незнаемых полях...».

**8. а) г а л и ц и стады бѣжать къ Дону великому; б) г а л и ц и свою рѣчь
говоряхуть; в) г а л и ц и помѣлкоша**

Топонимы — названия зверей и птиц в русском языке обычны. С упоминаемыми в «Слове» «галицами», допустим, перекликается путивльский топоним в Писцовой книге 1594 г.: «оброчная пашня у озера у Белые г а л и ц ы . . . а межа той пашни длина от дубровы от четвертныи и от оброчные пашни Ивана Шекина да по озеро по Белую г а л и ц у». ⁵¹ В Писцовой книге 1625/26 гг.: «а от Светова озера по Белою г а л и ц у а от Белой г а л и ц ы по объездную дорогу . . . от Мокшевицкова перевозу по Хвоцинское озера да от Белой г а л и ц ы по большую Мокшевицкою дорогу». ⁵² Недоумение вызывает определение «Белая», так как «галице» — галке оно не соответствует. Но если принять во внимание употребление слова «галица» и в общем значении «птица», как будет указано далее, сомнение в сближении «галиц» «Слова» и топонима устраняется (ср.: «за Г а л и ч и м лугом по Мокровское поле судерев с Вихторовым да с Некрасовым а от Г а л и ч я луга по колодез»; ⁵³ из топонимии Курского уезда в 1644 г.: «меж Г а л и ч е и дубровы и Медвеной»). ⁵⁴

*

⁴⁷ См.: А. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в., т. I. М.—Л., 1943, стр. 204.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Приказный стол, столб. 1950, л. 4.

⁴⁹ Там же, столб. 2346, л. 1.

⁵⁰ Акты Елецкой провинциальной и Чернавской воеводской канцелярий. . . — Труды Орловской ученой архивной комиссии. Орел, 1893, вып. 2, стр. 13.

⁵¹ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, кн. 367, лл. 260 об.—261.

⁵² Там же, кн. 148, л. 261.

⁵³ Там же, кн. 367, л. 51 об.

⁵⁴ Там же, № 15685, л. 154.

В дополнение к сказанному о лексических элементах, специфических для «Слова о полку Игореве», приведем параллели к тем словам, которые в большей или меньшей мере известны древнерусским памятникам, но расширяют лексический комплекс произведения, связанный с речевой стихией Новгород-Северской области.

К выражению «притопта хльми и яругы» путивльская выпись 1629 г. дает такие параллели: «едучи к высокому холму по правую сторону ручья монастырская земля, а высокои холм на монастырской стороне, да вверх едучи тем же логом выше высоково холму по левой стороне ручья Животока».⁵⁵ Интересен случай употребления слова «холм» как прозвища: «Степанка Софронов сын Холм ходит бортной ухойей».⁵⁶ Этот случай подчеркивает обычность данного слова в местном употреблении (ср. характерное для современных говоров Курско-Орловской области синонимичное название «бугор» и довольно редкое в тех местах в XVII столетии употребление слова «холм»; во всяком случае второй синоним удалось отметить только лишь в курской отказной книге: «усадище к реке Семи под высоким холмом»⁵⁷). Вместе с типичными для Новгород-Северщины болоньями и стругами примечательны для этого края и многочисленные яруги. Ограничимся немногими примерами: «две еруги Изьбная да Валы» (л. 241 об.); «по яруге Почаеве, по яруге Плоской, по яруге Задней ... по Кучковым яружком и по иным яругом» (л. 255 об.);⁵⁸ «в тех урочищах леса большие и ярушки посельския на низ, в правую сторону реки Псла, по Алексину и Комареву колодезям».⁵⁹ Название «яруга» в XVII в. имело известное распространение и в Курско-Орловской области, но компактной зоны его употребления вроде Новгород-Северской в этой области не находим. Создается впечатление, что в курско-орловские места оно занесено из Новгород-Северской земли.

В соответствии с различием значений прилагательных «красный» и «червленый» в тексте «Слова» и древнерусском языке вообще тексты XVI—XVII вв., написанные в Рыльске и Путивле, дают аналогичное различие этих слов: «красный» — красивый, а «червленый» — красного цвета. Например: «отделено ... в его оклад в тритцат чети из оброчные пашни у красного дуба ... оброчная пашня под красным дубом»;⁶⁰ «и в того де ухойя места дано в Рыльской и в Косоожской волости знамя черлено е»;⁶¹ «а новья государь черленыя знамена вели пожаловать отдать нам старым бортником и мы государь с тех и ово черленых знамен учнем ... оброкъ платить».⁶² Слово «лука» — «изгиб», откуда — «лукоморье» («а поганаго Кобяка изъ луку моря ... яко вихрь выторже») также находим в древних рыльских и путивльских рукописях: «усадище за речкою за Рылою от новъгороцкой дороги на низ по речке по Рыле в луке пониже мосту»;⁶³ «в пустой луке на речке на Сверже озеро Сверж ... от путивльского перевозу по реке по Десне по пустой луке».⁶⁴ Глагол «кликати», который в «Слове» имеет значения «кричать» и «звать», ото-

⁵⁵ ЦГАДА, ф. Грамоты Коллегии экономии, № 7/9587, л. 10.

⁵⁶ Игумен Палладий. Историко-статистическое описание Молчанской рождество-богородичной пещерской мужской общежительной Софрониевой пустыни, стр. 18.

⁵⁷ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, № 15684, л. 276 об.

⁵⁸ Там же, кн. 148.

⁵⁹ Игумен Палладий. Историко-статистическое описание Молчанской рождество-богородичной пещерской мужской общежительной Софрониевой пустыни, стр. 105.

⁶⁰ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, кн. 367, лл. 110 об., 269 об.

⁶¹ Там же, кн. 148, л. 407 об.

⁶² ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Севский стол, стлб. 79, л. 270.

⁶³ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, кн. 148, л. 409.

⁶⁴ ЦГАДА, ф. 124, № 1, лл. 1—2.

звался в путивльской челобитной 1626 г.: «и по твоей государеве земли серед бортовых ужожев литовския люди во многих местех столпы ставляют и на лютныя лета своих людей накликают и бортовая деревья на се-литбу секут».⁶⁵

Приведем, наконец, перечень слов, бытующих в курско-орловских говорах, в области, примыкающей к интересующей территории, которые нами отмечены ранее также в качестве параллелей к лексике «Слова о полку Игореве»: «галица» (галка, птица вообще), «каять» (укорять, порицать), «комонь» (конь), «лелеять» (везти, нести), «ашалманить» (шеломить) от «шеломень», «смага» (копоть, жар), «щекотать» (щебетать).⁶⁶ Употребительное в «Слове» название «лада» присутствует в производном образовании «ладушка», которое встречаем в старинной песне, записанной в начале XX в. в бывшей Новгород-Северской земле:

Батюшка, батюшка! Бьеть мне ладушка,
Он ни плеткаю, а все тятивкаю,
А сями хвастов, аб дивяти узлов (л. 3).⁶⁷

О муже-ладе поется и в одной из курских песен.

[Вдова] Пра первая ладу спаминая:
Ой ты свает, мая ладушка пярвая!
За табою я живала, ни гарывала.⁶⁸

«Если бы мы были уверены, — заявляет П. Я. Черных, — что „Слово о полку Игореве“ было сложено и записано на северской территории (Новгород-Северский, Путивль, Курск), мы могли бы считать „северизмами“ XII в. некоторые слова, неизвестные в других памятниках, характерные только для этого памятника. Напр.: болонь (не: болонье) — изменное поречье: „у Пльсьнска на болони“; лада — супруг, возлюбленный: „възлелый ... свою ладу къ мнѣ“ и т. д.; яруга — овраг, ущелье: „волци грозу въсрожать по яругамъ“ (в настоящее время — только в южнорусских говорах, по Далю: тул., юж.)».⁶⁹ Противопоставление слов «болонь» и «болонье» едва ли является состоятельным, поскольку образование «(на) болони» — при условии вынесения «н» из строки в положении перед йотом, что было довольно характерно для письменности XV—XVI вв. — легко возводится к начальной форме «болонье», а не «болонь». По поводу всего приведенного заявления можно сказать следующее: документально установленные «северизмы» XVI—XVII вв. в краю, не испытавшем в более раннее время смены неродственных этнических групп, правомерно считать и «северизмами» XII—XIII вв.

Подведем некоторые итоги.

В старых текстах, приуроченных к иным русским областям, насколько известно, встречаются отдельные, одинокие параллели к лексике «Слова о полку Игореве», но такого комплекса параллелей, как связанный с Северской землей, они не заключают. Истоки лексического своеобразия поэмы, за вычетом книжных элементов, восходят к языковой стихии именно этой области. Мнение о данной области как родине «Слова о полку Игореве» получает, с нашей точки зрения, известное обоснование.

⁶⁵ ЦГАДА. ф. Разрядный приказ, Севский стол, стлб. 79, л. 24.

⁶⁶ См.: С. И. Котков Слово о полку Игореве. (Заметки к тексту).

⁶⁷ В. Шафранов. Материалы для изучения местного говора в с. Расторге Дмитровского уезда Курской губернии, 1908 г. — Рукопись под этим названием, за № 119, хранится в Словарном секторе Института русского языка АН СССР в Ленинграде.

⁶⁸ См.: М. Г. Халанский. Народные говоры Курской губернии. СПб., 1904, стр. 84.

⁶⁹ П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. М., 1956, стр. 107.